

ИСТОРИЯ

Дмитрий Витальевич БУГРОВ —
ректор Уральского государственного университета,
член-корреспондент
Международной гуманитарной академии,
кандидат исторических наук
(г. Екатеринбург)
doc_office@usu.ru

УДК 380(470)«18»+308(497)«18»+141.82

ОБРЕТЕНИЕ ЕВРОПЫ: ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ XIX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения в общественно-политической мысли России XIX в. внешнеполитических интересов страны в Центральной Европе — одном из приоритетных направлений международной активности Российской империи.

Summary. The author surveys how the ideas of progressive figures of Russia were reflected in the 19th century print of Central Europe that was the territory of prior importance for the Russian Empire foreign policy.

Ключевые слова. Общественно-политическая мысль XIX в., утопия, Австрия, славянофильство.

Key words. Social-politic idea of XIX century, utopia, Austria, slavjanofilstvo.

Процесс определения интересов России в Центральной Европе имеет собственную продолжительную историю и является частью проблемы развития отношений между соседями по большому европейскому «дому». Этот процесс, связанный с утверждением российской национально-государственной идентичности, занимает особое место в ряду вопросов, характеризующих динамику межкультурного общения и взаимодействия, в известной степени отражая стереотипы и фобии, которые в течение длительного времени служили (и отчасти продолжают служить) неким препятствием на пути к диалогу взаимопонимания между носителями различных культур.

В период существования Российской империи ее отношения с Австрией и Пруссией (а затем — Германской империей) представляли собой весьма тесное, долговременное и многоуровневое взаимодействие в различных проявлениях — от партнерства к противоборству и наоборот. Это взаимопроникновение было и остается чем-то гораздо более широким и глубоким, чем простое соприкосновение восточно-европейского гегемона с претендентами на гегемонию в Центральной Европе.

Преодоление стереотипов невозможно без идентификации причин, порождающих эти стереотипы. Весьма актуальным представляется обращение к опыту предыдущего «излома веков» — эпохи, когда XIX в. с его верой в торжество и необратимость прогресса уступал место новому столетию, которое поставило под вопрос практически все ориентиры века-предшественника. Особенно интересен, на наш взгляд, анализ набора средств и методов, имевшихся в арсенале тех, кому по стечению обстоятельств выпало играть роль «властителей дум» своего времени — а значит, оттачивать свои аргументы в качестве литератора, публициста, полемиста.

Русская литература досоветского периода традиционно являлась ареной острой борьбы идей в силу особенностей политических реалий России (отсутствии, а впоследствии неразвитость парламентаризма, стесненность процесса образования политических партий и т. д.). И, конечно же, особенно ярко борьба мнений относительно альтернатив развития страны выразилась в крайне любопытном, но, к сожалению, слабо изученном жанре отечественной прозы — социокультурной утопии. Именно этот жанр позволял сторонникам той или иной альтернативы в известной степени произвольно конструировать некое будущее, воплощающее осуществленный политический идеал. Будущее, ради которого имело смысл жить, бороться, страдать.

В первой половине XIX в. российское общественное мнение, выражавшее мироощущение, представления и стереотипы, распространенные в среде просвещенного европеизированного дворянства, делало первые шаги, оценивая меняющуюся роль России в Европе и мире. С успехами дипломатических и военных акций России и с вхождением страны в клуб великих европейских держав отечественная литература на правах полноценного участника общеевропейского литературного процесса с истинно просветительским пафосом занялась детальным рассмотрением социально-политических идеалов современности. В середине XIX — начале XX вв. отечественная утопическая литература, отдаляясь от классических образцов с их первичностью нравственного поиска, быстро модернизировалась и концентрировалась на изображении эталонной социальной организации, разумного устройства общества. Этот процесс протекал под заметным влиянием новейшей западной утопической мысли, развивавшейся в русле «государственного романа» (*staatsromane*) — повествований о путешествиях в вымышленные страны либо о перемещениях во времени, отражавших прежде всего описание совершенного государственного устройства гармоничных обществ. Интересы идеального государства (в т. ч. и внешнеполитические), место и роль этого государства в мире также требовали рационального объяснения.

Если до Крымской войны, в ходе которой Россия волею обстоятельств противопоставила себя Европе, русские литераторы-утописты (Ф.В. Булгарин в 1828 г., А.Ф. Вельтман в 1833 г., В.Ф. Одоевский в 1840 г.) публиковали «ненаправленные» произведения, где будущее России виделось как великое будущее сверхсильной державы, пользующейся высочайшим авторитетом в мире и не имеющей, по сути, явных врагов, то в канун войны и особенно после ее завершения сюжеты становятся куда более воинственными и адресными.

Отечественный утопизм, достигший к концу 1840-х гг. новой фазы в своем развитии, поставил целью идентификацию национально-государственных приоритетов в бурном море европейской политики. Уже в 1848 г. поэт, дипломат и политический публицист Ф.И. Тютчев в стихотворении «Русская география» патетически обозначил западные пределы «царства русского» двумя «великими реками» — Дунаем и Эльбой.

Надвигающийся кризис Венской системы («концерта держав») с особой остротой поставил перед Россией проблему осмысления места и роли Австрии как стержневого элемента континентального порядка. Альтернативно-исторические проекты, предлагавшиеся русскими авторами самой разнообразной политической ориентации, так или иначе затрагивали и перспективы Дунайской монархии — «другого» двуглавого орла, который со времен Крымской войны стал превращаться в раздражающий и пугающий фактор. Этот противоречивый комплекс усугублялся тем, что русская утопия, стремясь к обновлению России, полагала империю Габсбургов анахронизмом, выросшим из Средневековья. И сторонники прогресса по-европейски, и ревнители старославянских традиций не видели у Австрийской державы будущего.

Ярчайший пример — консервативная утопия Ф.И. Тютчева. Хотя утопии в строгом смысле слова Тютчев так и не создал, он написал 4 статьи, разъясняющие характер его утопического идеала: «Россия и Германия», «Россия и революция», «Римский вопрос», «Россия и Запад». Они были опубликованы в газете «Русский архив» П.И. Бартеневым в 1872 году.

Самая разрушительная степень порочного развития Запада — революция, воплощающая в себе общественное безумие: «Взгляните на Австрию, обесславленную, подавленную, разбитую сильнее, нежели в 1809 г.» [1; 292]. Западные страны обречены, ибо помощи против революции ждать неоткуда. Единственная сила, способная противостоять революции — это Россия, поскольку она невосприимчива к ее разлагающему влиянию. Следовательно, Россия обязана вмешаться, чтобы спасти от революции родственные восточноевропейские — славянские! — народы (чехов, хорватов, словаков, словенцев и сербов). Анализ использования Тютчевым понятий «нация» и «религия» показывает, что социально-политическая теория Тютчева не была в собственном смысле слова ни «племенной» (славянской либо русской), ни «религиозной» (православной). Например, чешское «гуситство» объявлялось тенденцией к православию, но никак не объяснялось отношение к православию хорватов и словенцев — славян-католиков, никогда не входивших в состав Российской империи. Подобная комбинация тщательно подобранных аргументов позволяла оппортировать правомочность существования Австрии — конкурента России на Балканах. Сам Тютчев характеризовал свою философию истории как «историческое право», подчеркивая различие между исторической органичностью и искусственностью умственных построений. Австрию он относил к числу явлений искусственного порядка, и потому отказывал ей в праве на будущее.

Ф.И. Тютчев рисует картину, которая по силе и яркости справедливо может быть названа идеальной российской консервативной утопией *in puse*: «И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре — Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года... А над этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками... И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?..».

Будущность Европы такова: «В области светской образование Греко-Славянской Империи. В области духовной — объединение двух Церквей. Первое из этих дел определенно началось в тот день, когда Австрия для спасения подобия существования прибегла к поддержке России. Ибо Австрия, спасенная Россией, по всей необходимости станет Австрией, поглощенной Россией... Итак, поглощение Австрии есть не только необходимое пополнение России как славянской Империи, но еще и подчинение ей Германии и Италии, двух *стран Империи*. Другое дело, предваряющее объединение Церквей, — это лишение римского Папы светской власти». Широкая программа экспансии, таким образом, оказывается в глазах Тютчева не захватом, а всего лишь воссоединением имперских земель с имперским центром. Крах «Европы трактатов 1815 г.» — это и крах Австрии, у которой есть только «подобие существования». Дунайская монархия предстает как масштабная историческая ошибка, которая исчезнет при вступлении «Империи» в свои права.

Парадоксально, но Тютчев, обеспокоенный революционными явлениями, не находил в своей утопии места для Австрии, которая встала на пути революции одним из мощнейших бастионов.

Другой виднейший славянофил Н.Я. Данилевский счел необходимым даже посвятить XIII главу своего программного сочинения — «Россия и Европа» (1869 г.) — краткому очерку австрийской истории, по определению самого публициста — «истории слепления разных выморочных имений, отдаваемых в приданое, переходящих из рук в руки и, наконец, сосредоточившихся в руках наиболее счастливых наследников». Для Данилевского Австрия — лишь случайная комбинация ряда факторов, искусственное соединение элементов, потерявшее смысл по исчерпанию своей исторической задачи: «Смысл австрийского конгломерата народов, идея Австрийского государства... заключалась в обороне ослабленной и раздробленной Германии против напора французов и турок, — обороне, в которой главное участие пало на долю славян. Идея эта была вызвана внешними случайными обстоятельствами, с прекращением которых, очевидно, упразднилась и сама эта идея, т. е. необходимость и смысл существования Австрийского государства, которое, исполнив свое временное назначение, обращается в... исторический хлам». После смерти Карла VI в 1740 г., по мнению Н.Я. Данилевского, эта «двойная цель», ради которой существовала Австрия, исчезла. Пугавшее когда-то Европу могущество Турции в XVIII в. сошло на нет. Собираем германских земель занялась Пруссия, славянских территорий — Россия. Более того, эти новые фигуры на шахматной доске европейской политики сменили Австрию в роли континентального противовеса амбициям Франции. Составленный идеологом позднего славянофильства приговор окончателен и обжалованию не подлежит: «Таким образом, Австрийское государство было, в один и тот же момент, лишено историей и своего формального принципа, и внутренней причины своего бытия, т. е. лишено *оправдания* неестественного скопления разнородных элементов *причинами внешней необходимости*».

Н.Я. Данилевский безапелляционно безжалостен в своей оценке перспектив «такой политической нелепости, как Австрия». Никогда не имевшая «внутренних основ и причин существования», она «потеряла всякий смысл», поскольку «лишилась теперь и того временного и случайного оправдания» своего политического бытия. Как и Турция, Австрия уже умерла — и теперь две этих страны, «подобно всякому труп, вредны в гигиеническом отношении...» [2; 330-336, 362-363].

Падение и разложение Австрии началось уже в правление Марии Терезии, а реформаторские попытки Иосифа II придали этому процессу самый сильный толчок. Стремление императора германизировать и централизовать Австрию дало обратный эффект — в славянах пробудился «заснувший было дух народности». Иосиф II, по едкому замечанию Н.Я. Данилевского, «был первым невольным основателем будущего панславизма». Князь К. Меттерних сумел «замедлить разрушение обветшалого здания». Он осознал, «что Австрии предстоят только две альтернативы: или спать непробудным сном, быть погруженной в летаргию, или распасться и сгинуть с лица земли». Предпочтя исчезновению сон, гибкий и проницательный, «одаренный гениальностью» канцлер выступил в качестве «опиумиста», «усыпителя» ослабшей державы. Но великий австрийский политик (которого Н.Я. Данилевский ставит неизмеримо выше его предшественника из 2-й половины XVIII в. князя В.А. Кауница — на один уровень с Ганнибалом и Митридатом), несмотря на все свое искусство, был обречен на неудачу: «Деятельность Меттерниха носит <...> неизгладимую печать трагикомизма (печать трагизма по своей судьбе, печать комизма по целям, которые имела в виду), и этот трагикомический характер по необходимости связывается со всякою австрийскою государственной деятельностью, после того, как само существование Австрии потеряло свой смысл и свою идею...» Автор «России и Европы» имеет в виду

драматический опыт 1848 г., когда «крепость, защищаемая Меттернихом, была взята штурмом; герметически закупоренный сосуд — разбит, снотворный туман — рассеян». К этому роковому для Европы году он и адресует, отказывая Австрии в историческом праве на будущее: «Австрия — это только склейка, припай, цемент, замазка...» [2; 338-344].

По убеждению Н.Я. Данилевского, «Всеславянская федерация, с Россией во главе, со столицей в Царьграде — вот единственно разумное, осмысленное решение великой исторической задачи, получившей в последнее время название восточного вопроса» [2; 385-389]. Эта федерация виделась Данилевскому в следующем составе: Русская империя (с Галицией и Угорской Русью); Чехо-Мораво-Словацкое королевство (с северо-западной Венгрией); Сербо-Хорватословенское королевство (с Черногорией, Боснией, Герцеговиной, северной Албанией, Далмацией, Истрией, частями Штирии и Каринтии); Булгарское королевство (с большей частью Македонии); Румынское королевство (с Валахией, Молдавией, половиной Трансильвании, частями Буковины и Бессарабии); Эллинское королевство (с юго-западной Македонией, малоазийским побережьем Эгейского моря, Критом и Кипром); Мадыарское королевство (Венгрия и половина Трансильвании); Царьградский округ (с территориями, прилегающими к Босфору, Мраморному морю и Дарданеллам).

«Россия и Европа» — манифест позднего славянофильства, появившийся в канун 1870-х г. — бурного десятилетия, когда состоялся окончательный крах основанного в Вене в 1815 г. «концерта держав» и в очередной раз изменился баланс сил — Европа встала на путь оформления блоковой системы международных отношений. Жажда реванша за неудачу России в Крымской (Восточной) войне 1853-1856 гг., нацеленность на преодоление условий Парижского трактата, рефлексия по поводу поражений Австрии и Франции в войнах против Пруссии (в 1866 г. и 1870 гг. соответственно), ощущение остроты балканского вопроса и предвкушение побед православного оружия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. — эти настроения отражали повышенный градус пробудившегося в России общественного мнения. Неудивительно поэтому, что в целом ряде сценариев будущего *a la russe* Австрии отводилась второстепенная роль или вообще не находилось места. Например, в сценарии, предложенном известным писателем Г.П. Данилевским в утопии-предсказании «Через сто лет» (1868 г.). В духе романов Ж. Верна русский автор насыщает свое повествование техническими подробностями, многие из которых предугаданы с большой проницательностью. Главный герой с помощью сеанса сомнамбулизма перемещается в далекий 1968 г. В мире будущего он находится в течение семи дней и за это время узнает множество поразительных подробностей. Оказывается, мир покорен могущественным Китаем — китайцы разгромили силы объединенной Европы в гигантском морском сражении на просторах Атлантики. Но Россия уцелела, т. к. вовремя заняла нейтралитет, в отместку европейским странам и прежде всего Австрии — «за ее вечные измены и предательства». Герой с радостью резюмирует: «Досталось всем сестрам по серьгам!» [3; 25]. А «за дружбу к России» китайский император позволяет славянам изгнать турок в Азию и основать на Балканах отдельную «славяно-греческую дунайскую империю». Что ж, и здесь мы видим сплетение славянофильской традиции со сценарием «литературной войны», и как следствие — «славяно-греческую державу» под кровительством России на руинах Австрийского государства.

В утопии Н.Н. Шелонского «В мире будущего» (1896 г.) Россия и Франция в 2892 г. находятся на пути слияния в единое государство. По крайней мере, языки их уже слились в один. А вот Германии и Австрии не существует «как

государств около тысячи лет. Пятьсот прошло лет, как и самые названные вами национальности перестали существовать» [4; 212].

Второе магистральное направление российской утопии — утопия революционно-демократическая, социалистическая, которую мы предпочитаем назвать позитивистской, удивительным образом дублировала отношение консервативной мысли к Австрийскому государству, правда, с других позиций.

Стоявший на противоположном славянофилам краю общественного спектра авторитетнейший в леворадикальных кругах анархо-коммунист М.А. Бакунин не находил Австрии места в утопическом будущем. Важнейшее из сочинений Бакунина — «Государственность и анархия» (1873 г.) — не исследует специально историю Австрии, потому, что еще в начале книги автор указывает: «Со времени образования новой государственности в истории, с самой половины шестнадцатого века, Германия, причисляя к ней Австрийскую империю, поскольку она немецкая, никогда не переставала быть, в сущности, главным центром всех реакционных движений в Европе». Австрия, таким образом, оказывалась частью ненавистной основателю европейского анархизма «кнуто-германской империи», которая являлась главной опасностью на пути к анархии. Однако и здесь Бакунин направляет львиную долю критики на Германию, Австрия же вновь предстает в знакомом уже облике нежизнеспособного, искусственного государства: «Упомянуть об Австрии не значит ли говорить о неизлечимом больном, быстрыми шагами приближающемся к смерти? Эта империя, созданная путем династических связей и военного насилия, состоящая к тому же из четырех противоположных и друг друга мало любящих рас под преобладанием расы немецкой, единодушно ненавистимой тремя другими — такая империя, говорим мы, могла держаться, пока преобладал в ней военно-полицейский деспотизм. В продолжение последних двадцати пяти лет она претерпела три смертельных удара» [5; 299, 324-325].

Убежденный враг идеи государственности в любой ее форме, М.А. Бакунин не скрывает радости по поводу обозначившейся в 1850-е гг. обреченности некогда могущественной Австрии: «...несчастливая Австрийская империя распалась на два государства почти одинаковой силы и соединенные только под одною короною — на государство цислейтанское, или славяно-немецкое <...> и на государство транслейтанское, венгерское или мадьяро-славяно-румыно-немецкое. Замечательно то, что ни одно из этих двух государств даже в своем внутреннем составе не представляет никаких залогов ни настоящей, ни даже будущей силы». Однако, категорически отказывая Австрии в праве на будущее, Бакунин вместе с тем не испытывал панславистских иллюзий. Он отмечал, что славяне Австрии, «позабыв или не зная всех бедствий, претерпеваемых Литвою, Польшею, Малороссиею, да и самим великорусским народом под деспотизмом московским и петербургским, стали ждать спасения от нашего всероссийски-царского кнута!» [5; 327, 329].

Монархии Гогенцоллернов, Габсбургов и Романовых, по мнению Бакунина, рухнут под давлением жаждущего свободы славянства, поскольку оно по своей природе склонно к отрицанию государства, навязываемого немцами — и на руинах «кнуто-германской империи» установится подлинно анархический порядок.

Другой крупнейший деятель отечественной социальной утопии — Н.Г. Чернышевский — обращался к альтернативно-историческому моделированию в малоизвестных притчах «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле» (1871 г.), фактически представляющих собою один рассказ. Здесь речь идет о своеобразном «предсказании», выполненном в форме восточной повести. В России некий Пожиратель Книг («Пожирателем Книг» Чернышевский называл самого себя в автобиографии) придет к мысли о создании чудо-машины, использующей неисчерпаемые источники природной энергии. Однако правительство превратит ма-

шину в своеобразное абсолютное оружие. Уточним: чудо-машина использована не для создания бомбы, а для ее доставки; абсолютное оружие — это катапульта, способная метнуть гигантскую бомбу «на тысячу верст в высоту». Используя эту пусковую установку, русские сбросят бомбу на Кавказ и сотрут его с лица земли, намереваясь применить две оставшиеся бомбы против Турции и Австрии: «Третья бомба — на Австрию. И истребит Вену. И землетрясением и осколками опустошит землю на сто часов пути кругом. И развалинами завалит Дунай и все реки и озера на пятьдесят часов пути кругом». Другие европейские державы, напуганные разрушениями, наносят удар возмездия. Далее следуют жуткие картины всеобщего опустошения — первые в российской литературе описания последствий применения абсолютного оружия; Австрия недвусмысленно исключена из числа великих держав Европы, способных адекватно отреагировать на атаку подобного технологического уровня [6; 342, 344, 354].

Герои консервативно-утопического романа А.А. Красницкого «За приподнятою завесой» (1900 г.), выдержанного в духе панславизма, не только мечтают о «славянском братстве», «славянской солидарности», но и активно участвуют в политико-дипломатической деятельности по объединению всех славянских государств под эгидой монархической России. В конце XX в. русские войска одерживают убедительную победу над альянсом Австрии и Англии, противившихся объединению славян. В результате России удается обрести Константинополь и объединить славянские народы в Великий Всеславянский союз, ставший гарантией мира и процветания для всех жителей Европы [7; 228-237].

Видный консервативный публицист, экономист и общественный деятель «неославянофильских» взглядов С.Ф. Шарапов (один из самых последовательных сторонников сохранения дворянского корпоративизма и острый критик экономических реформ С.Ю. Витте) в 1902 г. опубликовал свой утопический проект «Через полвека», где описал мир середины XX столетия. Согласно прогнозу С.Ф. Шарапова, в 1930-е гг. Россия осуществила свою трехвековую мечту и овладела Константинополем, который, вслед за Киевом, Москвой и Петербургом, стал четвертой столицей великого государства, раскинувшегося от Северного и Адриатического морей на западе до Индийского и Тихого океанов на востоке. Характерно, что резиденцией имперского правительства является именно Киев, где находится и патриаршая кафедра. В состав России вошли Австрия, Венгрия, Чехия, Моравия, Хорватия, а также вся территория Польши, Восточная Пруссия, Сербия, Румыния, Болгария, Греция, Афганистан, Иран, Манчжурия. До того европейские страны «во главе с Германией» разделили Китай, но Россия заняла в отношении Китая позицию дружественного нейтралитета, сосредоточившись на охране зоны Транссиба и тайно разрешив своим офицерам помогать китайцам в их антиколониальной борьбе. Внешнеполитическая ситуация завершилась военным конфликтом в Европе: Россия, Франция и Англия победили Германию и Австро-Венгрию [8; 50-59, 77].

Ни в одном из предложенных русскими авторами вариантов будущей действительности не нашлось места для самостоятельного Австрийского государства — ни в консервативно-славянофильской либо революционно-демократической утопии, ни в военно-технических предсказаниях. Славянофильская традиция расценивала Австрию как анахронизм, как уродливый продукт западной цивилизации, который должен быть сметен с лица земли. После Крымской войны сюда добавилось еще и широко распространенное мнение о «двуличии и лживости» австрийской политики, что положило начало целой «австрийской легенде», многие элементы которой, увы, живы и по сей день. Традиция революционная также видела в монархии Габсбургов анахронизм, бастион реакции, инструмент угнетения народов, второстепенное и слабо развитое государство. Категорически

расходясь в отношении российских проблем, оба направления социально-утопической российской мысли сходились в негативном отношении к Дунайской монархии. Австрийское государство служило для отечественной утопии негативным зеркалом, отрицательным примером, которого должна была избежать моделировавшаяся утопистами «счастливая новая Россия».

Культурно-исторический синтез, присущий «двуединой монархии», русская утопия предпочитала не замечать, расценивая ее лишь как случайную эклектическую комбинацию, порожденную династическими интригами прошлого. Это драматическое заблуждение стало одним из детонаторов геополитической катастрофы, разразившейся в августе 1914 г. и вызвавшей крушение империй континентальной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тютчев Ф.И. Россия и Запад // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. Т. 3. Публицистические произведения. М.: Классика, 2003. С. 179-200.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
3. Данилевский Г.П. Жизнь через сто лет // Данилевский Г.П. Полное собрание сочинений в 24 т. Сборник «Нивы». Т. 19. СПб.: Тип. А.Ф. Маркса, 1901. С. 12-34.
4. Шелонский Н.Н. В мире будущего: Фант. роман. М.: Тип. И.Д. Сытина и К°, 1892.
5. Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 291-526.
6. Чернышевский Н.Г. Кормило кормчему. Знамение на кровле. Рассказы // Полное собрание сочинений. Т. XVI. М.: Гослитиздат, 1953. С. 338-356.
7. Красницкий А.А. За приподнятою завесой: Фант. повесть о делах будущего. СПб.: Я. Трей, 1900.
8. Шарапов С.Ф. Через полвека: Фантастический политико-социальный роман // Соч. Т. VIII. М.: Типолиитография А.В. Васильева и Компании, 1902. С. 1-80.

*Александр Георгиевич ЕМАНОВ —
зав. кафедрой археологии,
истории древнего мира и средних веков
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор
a_emanov@mail.ru*

УДК 94(100)

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ В МЕДИЕВИСТСКИХ ШТУДИЯХ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ?

Аннотация. В статье рассматривается проблема состояния и перспектив развития современной российской медиевистики, роли периферийных центров медиевистических исследований.

Summary. The author upon preliminary analysis tackles the prospects of mediavistic studies in contemporary Russia, paying special attention to the role of regional mediavistic centres.

Ключевые слова. Медиевистика, периферийные центры.

Key words. Mediavistic, peripheral centers.

Парадоксально, но в старой России такой вопрос не мог и возникнуть. Тогда существовало классическое университетское образование на историко-филологических факультетах, где давались унифицированные и одинаково качествен-